

А. Е. Маньков

ДИАЛЕКТ СЕЛА СТАРОШВЕДСКОЕ: ОПЫТ ОПИСАНИЯ МОРФОЛОГИИ НЕИЗУЧЕННОГО ЯЗЫКА. ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ (ТИП М. 3)¹

Диалект с. Старошведское (шв. Gammalsvenskby) является единственным живым скандинавским диалектом на территории бывшего СССР. В связи с отсутствием исследований современного состояния диалекта первоочередной задачей является сбор, классификация и введение в научный оборот фактического материала по фонетике, морфологии, синтаксису и лексике. В статье впервые предпринята исчерпывающая на данный момент публикация синхронного материала по существительным мужского рода, относящихся к морфологическому типу 3 и восходящим к древнегерманскому слабому склонению м. р. Даются их парадигмы, соответствия из родственных диалектов, а также пояснения сравнительно-исторического характера.

Ключевые слова: исчезающий язык, документирование исчезающих языков, полевая лингвистика, шведские диалекты, восточношведские диалекты, шведские диалекты Эстонии, село Старошведское, диалектная морфология.

This paper continues the series of publications on the morphology of the dialect of Staroshvedskoye (Sw. Gammalsvenskby), which is the only surviving Scandinavian dialect in the territory of the former Soviet Union. The village of Staroshvedskoye is located in the Kherson region, Ukraine. Its Swedish dialect historically belongs to the group of Swedish dialects of Estonia and goes back to the dialect of the island of Dagö (Hiiumaa). Due to the lack of studies of the present-day dialect and because of the severe endangerment in which the dialect is currently situated, the most urgent task is to collect, classify, and publish the factual material. This paper introduces comprehensive material on nouns of type m. 3 which occurred in interviews with fluent speakers of the dialect.

Key words: endangered language, documentary linguistics, field linguistics, Swedish dialectology, East Swedish dialects, Swedish dialects of Estonia, the village of Gammalsvenskby, dialect morphology.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-04-00092 «Диалект села Старошведское: документирование и описание именной и глагольной морфологии». Экспедиция в село в 2013 г. финансировалась Фондом фундаментальных лингвистических исследований (<http://www.ffli.ru>), проект А-32 «Диалект села Старошведское (Gammalsvenskby): полевое исследование». Выражаю благодарность директору Российско-шведского центра РГГУ Т. А. Тоштендаль-Сальчевой и Шведскому институту (Swedish Institute, Stockholm), без чьего содействия данное исследование было бы невозможно.

Диалект села Старошведское – это единственный живой скандинавский диалект на территории бывшего СССР. Исторически он относится к шведским диалектам Эстонии². Современное состояние этого диалекта не исследовано, поэтому перед нами стоит задача его лингвистического документирования и изучения. Единственным источником фактического материала являются устные интервью с носителями диалекта, записанные нами в ходе экспедиций в село в 2004–2013 гг. Изучение диалекта и публикация результатов осуществляется нами по определенному плану. Основными задачами на начальных этапах было базовое описание фонетики и разработка системы записи, установление типов словоизменения, сбор лексики, необходимой для установления словоизменительных типов и для составления словаря. Эти задачи в настоящее время выполнены: создана система записи и сделан обзор фонетики; рассмотрены грамматические категории и словоизменение существительных, прилагательных и местоимений, глаголов; словообразование существительных; дан обзор морфологии [Маньков, 2010а; 2010b; 2011а; 2011b; 2012; 2013а; 2013d; 2015e]. Начато детальное описание словоизменительных типов: на данный момент выполнено описание существительных мужского рода, относящиеся в нашей классификации к типам 1 и 2а [2013e; 2016а; Mankov, 2013]. Кроме того, начата публикация словаря диалекта [2014а; 2014b; 2015а; 2015b; 2015c; 2015d; 2016b]. Эти работы посвящены «консервативному» варианту диалекта, т. е. тому варианту, на котором говорят наиболее компетентные носители и который является «точкой отсчета» в описании диалекта. Однако описание того варианта, на котором говорят среднекомпетентные носители или «полуносители», не менее важно. Обзор некоторых существенных лингвистических особенностей среднекомпетентных носителей, а также анализ структурных изменений, происходящих в диалекте, дан в специальных работах [2013b; 2013c].

В предлагаемой статье мы продолжаем детальное рассмотрение словоизменения существительных в консервативном варианте диалекта. Практически весь приведенный материал взят из интервью с тремя наиболее компетентными носительницами диалекта: Лидия Андреевна Утас (род. в 1933), Мелитта Фридриховна Прасолова (род. в 1926), Анна Семеновна Лютко (1931–2013).

Специфика существительных мужского рода, относящихся к типу 3, заключается в окончании *-n/-an* в форме определенного ед. ч. Распределение

² Об истории села, лингвистической ситуации в нем, родственных диалектах и предшествующих исследованиях см.: [Маньков, 2010а].

алломорфов *-n* и *-an* зависит от синхронного исхода корня/основы: *-n* используется после безударного *-a* (например, *hona* ‘петух’: опр. ед. ч. *hona-n*); *-an* используется после согласных и ударных гласных (*bakk* ‘холм’, *hū* ‘крыто’: опр. ед. ч. *bakk-an*, *hū-an*). Этот тип восходит к древнегерманскому слабому склонению мужского рода (*an*-основы м. р. см. примечание на стр. 120). С синхронной точки зрения данные существительные делятся на два подтипа – краткосложные (м. 3а) и долгосложные (м. 3б). Это обусловлено сохранением в диалекте безударного гласного после кратких корней (с исходом $\check{V}\check{C}$): др.-шв. *hana* (форма косвенных падежей ед. ч.) > *hona*, и его апокопой после долгих (с исходами \bar{V} , $\bar{V}\bar{C}$, $\check{V}\bar{C}$, $\check{V}\check{C}\bar{C}$): др.-шв. *bakka* > *bakk* (подробнее об этом см.: [Маньков, 2010b: § 29]). Следовательно, все существительные подтипа м. 3а являются двусложными, м. 3б – односложными. Окончания, характеризующие тип 3, приведены в таблице:

	Опред. ед. ч.	Мн. ч.	Опред. мн. ч.
м. 3а	<i>-n</i>	<i>-r</i>	<i>-na</i>
м. 3б	<i>-an</i>	<i>-ar</i>	<i>-ana// -a</i>

Форма неопределенного ед. ч. типа м. 3 отражает древнешведскую форму косвенных падежей ед. ч. *an*-основ (т. е., например, др.-шв. *hana* – косв. падежи к *hani* ‘петух’). Форма определенного ед. ч. восходит к древнешведской форме винительного падежа ед. ч. с суфигированным артиклем (*hana-n*, с долгим конечным *-n*). Форма неопределенного мн. ч. отражает древний именительный падеж мн. ч. (*hanar*). Форма определенного мн. ч. у существительных типа *hona* (м. 3а) восходит к древнешведскому вин. п. мн. ч. с суфигированным артиклем (др.-шв. *hana-na* > *honana*). Сохранение *-na* вызвано, вероятно, стремлением избежать совпадения форм определенного мн. ч. и неопределенного ед. ч. (т. е. *honana* vs. *hona*). У существительных типа *bakk* (м. 3б) апокопа *-na* в определенном мн. ч. не вела к омонимии с неопределенным ед. ч., откуда форма опр. мн. ч. *bakka* (< др.-шв. *bakka-na*) [Маньков, 2010b: §§ 24; 31.1].

Ниже приводятся все существительные этих подтипов, которые встретились в интервью 2004–2013 гг. Словарные статьи организованы по следующей схеме: 1) диалектное существительное (с возможными фонетическими вариантами); 2) парадигма в виде таблицы (если входящие в нее формы встретились в интервью); 3) все известные композиты; 4) соответствия (если они известны) из основных работ по шведским диалектам Эстонии [Freudenthal, Vendell, 1886; Danell, 1951; Karlgren, 1953; Isberg, 1970]; они отделены знаком ||. Ссылки на эти работы даются сразу после соответствующих слов.

Знак / разделяет фонетические варианты, // – морфологические. Инициалы информантов: АЛ – А. С. Лютко, ЛУ – Л. А. Утас, МП – М. Ф. Прасолова.

Венделль использует в своем словаре следующие сокращенные обозначения диалектов: D – Dagö, G – Gammalsvenskby, N – Nuckö, O – Ormsö, R – Rågö (LillR – Lilla Rågö, StorR – Stora Rågö), W – Wichterpal (Vippal). Например, DGNORW после какой-либо формы означает, что она записана в диалектах Даге, Старошведского, Нюкке, Ормсе, Роге, Виппала. Эти сокращения сохранены нами при ссылках на словарь Венделля. Вместо полных форм мн. ч., приводимых Венделлем, мы даем только окончания (в случае, если корень существительного не меняется во мн. ч.). Переводы, совпадающие с переводом заглавного диалектного слова, не приводятся. Например, лемма *bita* выглядит у Венделля следующим образом:

bita, pl. *bitar*, m. Bit, beta. DGNORW

В данной статье это цитируется так:

bita, -r m. DGNORW (Freudenthal, Vendell 23).

Система записи, разработанная нами для современного диалекта (подробнее см.: [Маньков, 2010а; 2013е]):

Гласные: а [a], ā [a:], е [e], ē [e:i, e:], и [i], ī [i:i], о [o], ō [o:], u [u], ū [u:], y [y], ä [ɛ, æ], ǟ [ɛ:, æ:], ö [œ], ȫ [œ:, ø:], ü [ɥ], ǖ [ɥ:], äi [ɛ:i, ɛi], öü [œ:ɥ, œɥ]. Согласные: b [b], d [d], ḍ [ḍ], f [f], g [g], h [h], j [j], k [k], l [l], ł [ɫ], m [m], n [n] ([ŋ] перед k), ŋ [ŋ], p [p], r [r], s [s], š [ʃ], t [t], ʧ [tʃ], v [v], x [x], z [z], ž [ʒ]. Сочетания *dj, gj, nj, sj, tj* обозначают соответствующие палатализованные согласные. Сочетания *skj, stj* обозначают [sk^j, st^j]. Долгота согласных внутри морфем обозначается удвоением. Если долгий согласный находится перед другим согласным внутри морфемы, его долгота не обозначается. На стыке морфем долгота обозначается. Дефис используется при разделении элементов в тех композитах, которые имеют главное и второстепенное ударение; при отделении энклитических форм личных местоимений; на стыке слов при возникновении постальвеолярных согласных. Словесное ударение обозначается в том случае, когда оно падает не на первый слог. Соответствия из предшествующих работ по шведским диалектам Эстонии даются в оригинальной записи³.

³ О фонетическом значении используемых там символов см.: [Маньков, 2010а; 2013е].

Подтип м. 3а

Его характерными чертами являются аффиксы *-n* в форме определенного ед. ч. и *-r* в форме неопределенного мн. ч. В интервью встретились следующие существительные этого подтипа:

1. *bita* ‘кусок’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ ЛУ	<i>bita</i>	<i>bitan</i>	<i>bitar</i>	<i>bitana</i>

Композиты: *büll-bit* ‘кусок булки’, *drikks-bit* ‘пьянчужка’, *fläsk-bit* ‘кусок сала’, *hål-bit* ‘градина’, *is-bit* ‘льдина’, *kvittlöks-bit* ‘кусочек чеснока’, *land-bit* ‘участок земли’, *söp-bit* ‘кусок мыла’, *tiköl-bit* ‘кусок кирпича’, *värke-bit* ‘деревяшка’.

|| *bita*, *-r* m. DGNORW (Freudenthal, Vendell 23); *bita*, *-n*, *-r*, \emptyset m. (Danell 22).

2. *-blika*, встретилось только в композите *öügs-blika* ‘веко’ в интервью с МП⁴.

|| Ср. *äublikk*, *-ér* n. RW, *öublikk*, *-ar* m. D // *-ér* n. G, *öugnablikk*, *-ér* n. G ‘миг, мгновение’; ср. также *äublikkshår* n. W ‘ресницы’ (Freudenthal, Vendell 268, 269); *blika*, *-n*, *-r*, \emptyset m. ‘молния’; ср. глагол *blika* ‘сверкать; мигать’. Ср. также *blík* в выражении *han har skarpan blík* ‘у него твердый взгляд’ (Danell 28, 29).

3. *-bōa* ‘дуга’; встретилось в композитах *arm(s)-bōa* ‘локоть’, *rāvens-bōa* ‘радуга’.

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
ЛУ	<i>arm-bōa</i> / <i>arm[z]-bōa</i> // <i>arm-bō</i>	<i>arm-bōan</i> // <i>arm[z]-bōan</i>	<i>arm-bōar</i>	<i>arm-bōana</i>
АЛ	<i>arm-bōa</i> // <i>arm(s)-bō</i>	<i>arm-bōan</i>	<i>arm-bōar</i>	<i>arm-bōaṇa</i>

Это существительное колеблется между подтипами м. 3а (*-bōa*) и 3б (*-bō*). Поскольку существительные м. 3а практически всегда имеют краткий гласный в корне, удлинение корневого *o > ō* в положении перед \bar{a} (фонетически закономерное) вызвало возникновение формы м. 3б, т. к.

⁴ У этого существительного, а также у *brika*, *froka*, *hita*, *loka* ‘рассол’, *musa*, *ōa*, *skuta*, *stōra*, *stōka* полная парадигма не была названа в интервью. У существительных типа м. 3б *fīl*, *gall*, *hū* ‘копыто’, *lind*, *mārg*, *nakk*, *skogg*, *spinn*, *stjōlp*, *vrist* также не были названы все формы. Однако для установления принадлежности к типу м. 3 достаточно только форм неопределенного и, главное, определенного ед. ч., которые у этих существительных были названы носителями.

существительные с долгими корнями должны относиться к подтипу *m. 3b*. В интервью с МП встретилась только форма *arms-bōa m. 3a*.

|| *boa, -r m. G, armbua//armsbua, -r m. NO, armbuga, -r m. RW, rævnbuga, -r m. DG* (Freudenthal, Vendell 27, 17, 181); *boa, -n, -r, -Ø m., arm(s)-boa, ræn-boa* (Danell 64, 7, 323).

4. *brika* ‘ручка’ (ведра, лейки); *ämbaṣ-brika* ‘ручка ведра’. В интервью также встретилось прилагательное *brika-bäinatär* ‘кривоногий’.

|| Это существительное отсутствует в словарях Венделля и Данелля. Данелль приводит глагол *brika* ‘идти, раскачиваясь’ (Danell 45).

5. *bura* ‘сверло’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>bura</i>	<i>buran</i>	<i>burar</i>	<i>burana</i>
ЛУ	<i>bura</i>	<i>buran</i>	<i>burarär</i>	<i>burana</i>

|| *burar, -ër m. GNW* (Freudenthal, Vendell 35); *burar/borar/burar, -an / -aṅ, -er, -e m.* (Danell 39).

6. *drupa* ‘капля’ (также f. 2a в интервью с АЛ):

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>drupa</i>	<i>drupa</i> (форма типа f. 2a)	<i>drupar</i>	<i>drupana</i>
ЛУ	<i>drupa</i>	<i>drupan</i>	<i>drupar</i>	<i>drupana</i>

Композиты: *blū-drupa* ‘капля крови’, *rävens-drupa* ‘капля дождя’.

|| *drupa DG / drüpa NORW, -r m.* (Freudenthal, Vendell 44); *drupa, -n, -r, -Ø m.* (Danell 79).

7. *froka* (только ед. ч.) ‘запах’. Ср. шв. *fradga* ‘пена’.

|| *froka*, мн. ч. отсутствует, *m. NO*; ср. *frädu R / frädu W*, мн. ч. отсутствует, *f.* (Freudenthal, Vendell 59, 58); *froka, n*, только ед. ч., *m.* ‘пена’ (Danell 110).

8. *gripa* ‘рукоять’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>gripa</i>	<i>gripan</i>	<i>gripar</i>	<i>gripana</i>

|| *gripa*, мн. ч. *gripar DGNO* или *gripër RW m.* (Freudenthal, Vendell 71); *gripa, -n, -r, -Ø m.* (Danell 131).

9. *hita/hida* (только ед. ч.) ‘жара’; *sūl-hita* ‘солнцепек’. Форма *hida* встретилась только в интервью с ЛУ. Другие примеры с чередованием *t/d* в интервокальном положении: *blädär ЛУ* и *blättär АЛ* ‘мочевой пузырь’, *blötär МП АЛ* и *blödär ЛУ* ‘кипеть’, *botär МП* и *bodär ЛУ* ‘бегать с шорохом’ (например, о мышах), *gnatär МП АЛ* и *gnadär ЛУ* ‘хохотать’, *fladär* и *flätär*

‘шелестеть; трепать; хлопать крыльями; развеваться на ветру’, *flödär* и *flotär* ‘шлепать по воде, грязи’.

|| *hita*, мн. ч. отсутствует, м. GNOW (Freudenthal, Vendell 82); *huta*, -n, только ед. ч., м. (Danell 159).

10. hoka ‘крюк’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>hoka</i>	<i>hokan</i>	<i>hokar</i>	<i>hokana</i>
ЛУ	<i>hoka</i>	<i>hokan</i>	<i>hokar//hokanar</i>	<i>hokana</i>

Композиты: *dän-hoka* ‘дверной крючок’, *hēkl-hoka* ‘крючок для вязания’.

|| *hoka*, -r м. DGNORW (Freudenthal, Vendell 83); *hoka*, -n, -r, -∅ м. (Danell 147).

11. hona ‘петух’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>hona</i>	<i>honan</i>	<i>honar</i>	<i>honana/hona[n]a</i> (в интервью 2005 г.) // <i>honare</i> (2006)
ЛУ	<i>hona</i>	<i>honan</i>	<i>honar//honarär</i>	<i>honana</i>

|| *hona*, -r м. DGNORW (Freudenthal, Vendell 83); *hona*, -n, -r, -∅ м. (Danell 152).

12. hära ‘заяц’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>h[æ]ra</i>	<i>häran</i>	<i>härar</i>	<i>härana</i>
ЛУ	<i>h[ɛ]ra</i>	<i>häran</i>	<i>härar//härarär</i>	<i>härana</i>

В отличие от шв. *hare*, восходит к форме с R-умлаутом, др.-шв. *hāri*.

|| *hära*, -r м. DG; ср. *hara* W, *haré* R, мн. ч. *harar*, м. (Freudenthal, Vendell 90, 78); *hara* (Danell 153). Основное обозначение зайца в диалекте Нюкке – *has*, -n, -er, -e м. (Danell 154) < нем. *Hase* [Lagman, 1973: 29].

13. krōa ‘воротник’; *jakk-krōa* ‘воротник куртки’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ ЛУ	<i>krōa</i>	<i>krōan</i>	<i>krōar</i>	<i>krōana</i>

|| *krova* GRW / *krua* DNOW, -r м. (Freudenthal, Vendell 114); *kroa*, -n, -r, -∅ м. (Danell 219).

14. loka ‘сом’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>loka</i>	<i>lokan</i>	<i>lokar</i>	<i>lokana</i>

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
ЛЮ	<i>loka</i>	<i>lokan</i>	<i>lokar</i>	<i>loka[n]a</i>

|| *loka*, *-r* м. DGNORW (Freudenthal, Vendell 130); *loka*, *-n*, *-r*, \emptyset м. (Danell 240). Другое обозначение сома в диалекте Нюкке – *lots*, *-a*, *-ar*, *-ana* f. (Danell 257), к эст. *luts* [Lagman, 1971: 52].

15. *loka* ‘рассол’; *fisk-loka* ‘уха’.

|| *loka* GNORW / *loga* D, мн. ч. отсутствует, м. (Freudenthal, Vendell 130); *loka*, *-n*, *-r*, \emptyset м. (Danell 240).

16. *mōa* ‘желудок’:

Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
<i>mōa</i> АЛ ЛЮ	<i>mōan</i> АЛ ЛЮ; <i>mōge</i> ЭУ	<i>mōar</i> АЛ; <i>mōanar</i> / / <i>mōarär</i> ЛЮ	<i>mōana</i> АЛ ЛЮ

Композит: *mōa-värk* ‘боль в животе’. Форма *mōge*, названная Эммой Утас, является контаминацией диал. *mōa* и шв. *mage*.

|| *moa* G / *mua* DGNO, *-r* м., *moga*, *-r* м. RW (Freudenthal, Vendell 146, 148); *māa*, *-n*, *-r*, *-na* м. (Karlgrén 1953: 19); *mōa*, *-n*, *-r*, \emptyset м. (Danell 264).

17. *musa* ‘мох; болото’.

|| *musa* DGNRW / *müsa* O, мн. ч. отсутствует, м. (Freudenthal, Vendell 148, 149); *müsa*, *-n*, *-r*, \emptyset м. (Danell 277).

18. *napa* ‘пупок’ < эст. *naba* или фин. *napa* [Lagman, 1971: 47].

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>napa</i>	<i>napan</i>	<i>napar</i>	<i>napana</i>
ЛЮ	<i>napa</i>	<i>napan</i>	<i>napanar</i> / <i>napar</i>	<i>napana</i>

|| *napa*, мн. ч. не употребляется, м. DO (Freudenthal, Vendell 153). В диалекте Нюкке ‘пупок’ – *nəvok/nəvok*, *-on/-on*, *-kar*, *-ka* м. (Danell 288). Лагман (со ссылкой на Тиберга) приводит это слово с интервокальным *b*: *naba*.

19. *näva* ‘кулак’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ ЛЮ	<i>näva</i>	<i>nävan</i>	<i>nävar</i>	<i>nävana</i>

|| *näva*, *-r* м. DGNORW (Freudenthal, Vendell 159); *näva*, *-n*, *-r*, \emptyset м. (Danell 298).

20. *-ōa*, встретилось только в композите *rädd-ōa* ‘испуг’.

|| Ср. *ag*, *-a*, только ед. ч., f. ‘телесное наказание’ (Danell 1).

21. *pusa* ‘мешок; торба’; *klē-pusa* ‘мешочек из ткани’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>pusa</i>	<i>pusan</i>	<i>pusar</i>	<i>pusana</i>

l *pusa/püsa*, -r m. DGNORW (Freudenthal, Vendell 167); *pusa*, -n, -r, -Ø m. (Danell 319).

22. ruka ‘куча’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ ЛУ	<i>ruka</i>	<i>rukan</i>	<i>rukar</i>	<i>rukana</i>

Композиты: *ask-ruka* ‘куча золы’, *dije-ruka* ‘куча навоза’, *hal̄m-ruka* ‘куча соломы’, *kōl̄-ruka* ‘куча угля’, *möür-ruka* ‘муравейник’, *smōl̄-ruka* ‘куча мусора’, *sōnd-ruka* ‘куча песка’

l *roka W / ruka* DGNORW / *ruka D*, -r m. (Freudenthal, Vendell 174, 176); *roka/ruka*, -n, -r, -Ø m. (Danell 336).

23. runa ‘боров’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ ЛУ	<i>runa</i>	<i>runan</i>	<i>runar</i>	<i>runana</i>

l *rona* NOW / *runa* DGNRW, -r m. (Freudenthal, Vendell 174, 176); *rona*, -n, -r, -Ø m. (Danell 336).

24. skota, также *trā-skota* ‘вершина дерева’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>skota</i>	<i>skotan</i>	<i>skotar</i>	<i>skotana</i>

l *skota*, -r m. DGNORW (Freudenthal, Vendell 194); *skota*, -n, -r, -Ø m. (Danell 352).

25. skuta ‘садовые ножницы, «стругачка»; тяпка’. В интервью с АЛ наряду со *skuta* встретилась форма *skutar*; *skutan*, *skutar*; *skutaṇa* m. 2b. В интервью с ЛУ только *skuta*, -n, -r, -na.

l *skuta*, -r m. G ‘маленькая мотыга, тяпка’ (Freudenthal, Vendell 197).

26. slāa ‘санки’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ ЛУ	<i>slāa</i>	<i>slāan</i>	<i>slāar</i>	<i>slāana</i>

l *llea*, -r m. DGNORW (Freudenthal, Vendell 138); *lea*, -n, -r, -Ø m. (Danell 373).

27. snipa, ēr-snipa ‘мочка уха’

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
ЛУ	<i>snipa</i>	<i>snipan</i>	<i>snipar</i>	<i>snipana</i>

|| *snipa*, -r m. ‘кончик’ G // f. ‘сосок у животных’ W; ср. *ésnipa*, -ér R, -ar G m. (Freudenthal, Vendell 202, 49); *snipa*, -n, -r, -Ø m. (Danell 378).

28. stoka ‘палка’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>stoka</i>	<i>stokan</i>	<i>stokar</i>	<i>stokana</i>
ЛЮ	<i>stoka</i>	<i>stokan</i>	<i>stokar</i>	<i>stokaņa</i>
ЭУ	<i>stoka</i>	<i>stokken</i>	<i>stokkar</i>	<i>stokaņa</i>

|| *stoka*, -r m. DGNORW (Freudenthal, Vendell 214); *stoka*, -n, -r, -na m. (Karlgrén 1952: 19); *stoka*, -n, -r, -Ø m. (Danell 392).

29. stora ‘скворец’.

|| *stora*, -r m. DGNORW (Freudenthal, Vendell 215); *stora*, -n, -r, -Ø m., *storo*, -Ø, -r, -na f. (Danell 393).

30. stäka ‘стакан’; восходит к рус. *стакан*. В интервью с АЛ и ЛЮ также названа форма *stäkan* m. 1d. Форма *stäka* вызвана перерасложением *stäkan* > *stäka-n*.

|| *stäga/stäka*, -r m. G (Freudenthal, Vendell 219).

31. stäa ‘лестница’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. Мн. ч.
АЛ	<i>st[ɛ:/æ:]a</i>	<i>stäan</i>	<i>stäär</i>	<i>stäana</i>
ЛЮ	<i>st[ɛ:/æ:]a</i>	<i>stäan</i>	<i>stäär//stäärär</i>	<i>stäana</i>

|| *stea*, -r m. DGNO; ср. *stigal*, -lér m. W; *stigäl*, -lér R (Freudenthal, Vendell 212, 213); *stea*, -n, -r, -Ø m. (Danell 393).

В интервью с ЛЮ некоторые существительные, относящиеся к подтипу м. 3а, образуют мн. ч. по образцу м. 2b⁵. Так, *hona* ‘петух’ было названо с мн. ч. *honarär*. В интервью с АЛ встретилось опр. мн. ч. *honare* (м. 2b) наряду с *honana*. Аналогично: *burä* ‘сверло’ – *burarär*; *hära* ‘заяц’ – *härarär//härar*; *mōa* ‘желудок’ – *mōarär//mōanar*; *stäa* ‘лестница’ – *stäärär//stäär*. Колебание вызвано внешним совпадением определенного ед. ч. у этих типов, например *stoka-n* м. 3а ‘палка’ и *bokan* м. 2b ‘пекарь’. Кроме этих форм, вследствие контаминации типов м. 2b и м. 3а возникли дублиеты *skuta* м. 3а

⁵ К типу м. 2b относятся двусложные основы на -ar (например, *bokar* ‘пекарь’, *sumar* ‘лето’); во множ. числе они часто имеют окончание -är: *bokar-är*. Парадигмы существительных типа м. 2b:

bokar, опр. ед. ч. *bokan*, мн. ч. *bokar-är*, опр. мн. ч. *bokar-e//bokana*;

biggjar ‘строитель’, опр. ед. ч. *biggjan*, мн. ч. *biggjar//biggjar-är*, опр. мн. ч. *biggjar-e//biggjar-ena*.

Подробнее о типе м. 2b см.: [Маньков, 2013а: 22].

// *skutar* м. 2b ‘садовые ножницы’, *burā//burar* ‘сверло’ (форма ед. ч. *burar* не встретилась в интервью, однако записана в Старошведском Венделлем).

В интервью с ЛУ существительные *hoka* ‘крюк’, *mōa* ‘желудок’, *para* ‘пупок’ встретились с *-nar* в неопределенном мн. ч.: *hokanar*, *paranar*, *mōanar* наряду с *hokar*, *parar*, *mōarär*. Формы с *-nar* объясняются перерасложением *hoka-na* > *hokan-a*, вследствие которого возникла основа мн. ч., оканчивающаяся на *n*. Аналогичное перерасложение встречается у односложных основ на гласный: опр. мн. ч. **bī-na* > **bīn-a*, откуда неопр. мн. ч. *bīnar* наряду с *bīar* (от *bī* ‘село’). Подробнее об этих формах см.: [Маньков, 2010b: § 18].

Колебание между подтипом м. 3а и соответствующим подтипом женского рода, f. 2а, нехарактерно для имеющих интервью⁶. Единственный пример – *drupa* ‘капля’ (м. 3а у ЛУ, f. 2а у АЛ; у Венделля только м.). Существительное *brāa* ‘доска’ относится во всех интервью к ж. р., однако Венделль записал в Старошведском *brāa* м. Ср. также *ruka* м. ‘куча’, записанное Венделлем в форме *ruku* f. ‘копна сена’ в диалекте Ормсе.

Подтип м. 3b

Характерным признаком этого подтипа является аффикс *-an* в форме определенного ед. ч. В интервью встретились следующие существительные:

1. *ānd* ‘черт; привидение’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>and</i>	<i>anden</i>	<i>andar</i>	<i>andana</i>
ЛУ	<i>ānd/and</i>	<i>āndan//ānden/āndn</i>	<i>āndar</i>	<i>andana</i>

Это существительное колеблется между типами м. 3b (опр. ед. ч. *āndan* в интервью с ЛУ), м. 1a (*ānden*) и м. 1b (*āndn*). Форма с *ā* возникла вместо **ōnd* под влиянием шв. *ande*; ср. исконный глагол *ōndas* ‘дышать’. Такое же изменение произошло с *land* п. ‘степь’ (вместо **lōnd*) под влиянием нем. *Land* или шв. *land*. В исконных словах *a* > *ō* перед *nd*, как, например, в *hōnd* ‘рука’, *sōnd* ‘песок’.

|| *ānd* только ед. ч., м. DGNO ‘дыхание, выдох’ (Freudenthal, Vendell 263); *ōnd*, *-an*, *-ar*, *-a* м. ‘выдох’ (Danell 4).

2. *bakk* ‘холм’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>bakk</i>	<i>bakkan</i>	<i>bakkar</i>	<i>bakka//bakka[n]a</i>
ЛУ	<i>bakk</i>	<i>bakkan</i>	<i>bakkar</i>	<i>bakka//bakkana</i>

⁶ Тип f. 2а в диалекте образуют краткосложные существительные ж. р., восходящие к *ōn*-основам: *viku* ‘неделя’, опр. ед. ч. *viku*, мн. ч. *viku-r*; опр. мн. ч. *viku-na*; *nāsa* ‘нос’, *nāsa*, *nāsa-r*, *nāsa-na*.

Композиты: *ask-bakk* ‘куча золы’, *Stā[d:ʂ]-bakkan* «Городской холм» (остатки старинной крепости на берегу Днепра, которые сейчас выглядят как небольшой холм); *Stūr-bakkan* «Большая горка», название улицы в революционном Старошведском.

|| *bakk*, *-ar* m. DGNORW (Freudenthal, Vendell 20); *baḱ*, *-an*, *-ar*, *-a* m. (Danell 11).

3. *brant* ‘обрыв’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>brant</i>	<i>brantan</i>	<i>brantar</i>	<i>branta//brantana</i>
ЛУ	<i>brant</i>	<i>brantan</i>	<i>brantar</i>	<i>brantana</i>

|| *brant*, *-ar* m. G (Freudenthal, Vendell 30); в диалекте Нюкке – *baḱ-bræne* n. (Danell 11).

4. *ēnd* ‘конец’. Композиты: *bāk-ēnd* ‘задняя часть’, *frama-ēndan* ‘передняя часть дома’ (выходящая на улицу).

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>ēnd</i>	<i>ēndan</i>	<i>ēndar</i>	<i>ēnda//ēndana</i>
ЛУ	<i>ēnd</i>	<i>ēndan</i>	<i>ēndar</i>	<i>ēnda //ēndena</i> ⁷

|| *ēnd*, *-ar* m. DGNORW (Freudenthal, Vendell 48); *ēnd*, *-an*, *-ar*, *-a* m. (Danell 483).

5. *fīl* ‘напильник’⁸. Также *fīl*, *-a*, *-ar*; *-ana* f. 2b.

|| *fīl*, *-ar* f. DGNO // *-ēr* n. RW (Freudenthal, Vendell 54); *fīl*, *-n*, *-ar*, *-a* m., *-a*, *-ar*, *-ana* f. (Danell 100). Судя по формам из диалекта Нюкке, приведенным у Данелля, колебание между мужским и женским родом также происходило у этого существительного в диалекте Нюкке.

6. *gall* (только ед. ч.) ‘желчь’.

|| *gall*, только ед. ч., m. GOW (Freudenthal, Vendell 64); *gaḷ*, *-n* m.//*-a* f., только ед. ч. (Danell 122).

7. *gäigöl* ‘жабры’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	формы не названы			<i>gäigłana</i>
ЛУ	<i>gäigöl</i>	<i>gäigłan</i>	<i>gäigłar</i>	<i>gäigłana</i>

|| *gäigäl*, *-lar* m. G; ср. *gail*, *-ar* m. NO; *gäil*, *-ar* m. DRW (Freudenthal, Vendell 75, 64); *gaḷ*, *-n*, *-ar*, *-a* m. (Danell 143).

⁷ О форме *ēndena* с окончанием опр. мн. ч. *-ena*, характерным для типа m. 2a, и другие примеры существительных с колебанием *-a//ena* в опр. мн. ч. см. [Маньков 2016а: 76].

⁸ См. примечание 4.

8. *hjōl* ‘пятка’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>hj[œ:]l</i>	<i>hjōlan</i>	<i>hjōlar</i>	<i>hjōlana</i>
ЛУ	<i>hj[ø:]l</i>	<i>hjōlan</i>	<i>hjōlar</i>	<i>hjōlana</i>

|| *hiula*, -*r* m. G; cp. *hél* N / *hiäl* D / *hæI* O / *høI* RW, -*ar* m. (Freudenthal, Vendell 82, 80, 92); *hęł*, -*an*, -*ar*, -*a* m. (Danell 173).

9. *hū* ‘корыто’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>hū</i>	<i>hūan</i>	<i>hūar</i>	<i>hūana</i>
ЛУ	<i>hū</i>	<i>hūan</i>	<i>hūar</i> // <i>hūarār</i>	<i>hūana</i>

В интервью с ЛУ в неопр. мн. ч. форма *hūar* встретилась наряду с *hūarār* (m. 2b).

|| *hó*, мн. ч. *hóar* DGNO / *hóer* LillRW / *hugwēr* StorR m. (Freudenthal, Vendell 84); *hø*, -*an*, -*ar*, -*a* m., *høar*, -*aŋ*/*-an*, -*er*, -*e* m. (Danell 161). Формы из диалекта Нюкке, записанные Данеллем, свидетельствуют, что колебание между типами m. 2b и m. 3b происходило у этого слова не только в Старошведском, но и в диалекте Нюкке.

10. *hū* ‘копыто у лошади’. Это существительное встретилось только в интервью с А. М. Портъе (1923–2008). В интервью с МП и АЛ – *häst-skū*, *äike-skū*.

|| *hón*, -*ar* m. DGNOLillRW; cp. *hó*, мн. ч. *hugwēr* m. StorR (Freudenthal, Vendell 85, 84); *æke-hø*, -*an*, -*ar*, -*a* m. (Danell 487).

11. *kikk* ‘женская грудь’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>kikk</i>	<i>kikka</i>	<i>kikkar</i>	<i>kikkana</i>
ЛУ	<i>kikk</i>	<i>kikkan</i> m. 3b // <i>kikka</i> f. 2b	<i>kikkar</i>	<i>kikkana</i>

В интервью с ЛУ это существительное колеблется между типами m. 3b и f. 2b.

|| *kikk*, -*ar* f. GNO (Freudenthal, Vendell 102).

12. *klügg* ‘отверстие или окошко в стене; оконный проем’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>klügg</i>	<i>klüggan</i>	<i>klüggar</i>	<i>klüggana</i>

|| *klügg*, -*ar* f. G; cp. *klugg*, -*ar* NO, -*er* RW m. (Freudenthal, Vendell 106); *klug*, -*en*, -*ar*, -*a* m. (Danell 127).

13. *kütt* ‘палисадник’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>kätt</i>	<i>kättan</i>	<i>kättar</i>	<i>kätta//kättana</i>

Композиты: *lill-kätt* (обычно *lill-kättan*, опр. форма) ‘палисадник’, *stür-kätt* ‘огород за домом, где сажали овощи’.

|| *kätt*, *-ar* m. GO, f. DGNRW (Freudenthal, Vendell 122); *kætar*, *-an/-an*, *-er*, *-e* m., также *kæt* (Danell 235).

14. *lē* ‘сустав’; *fiŋ(η)äs-lē* m. 3b ‘сустав пальца’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
ЛУ	<i>lē</i>	<i>fiŋäs-lēan// lēe</i>	<i>lēar</i>	<i>lēana//lēana</i>
МП	<i>lē</i>	<i>lēen</i>	<i>lēar</i>	<i>lēa</i>

Это существительное колеблется между типами m. 3b (опр. ед. ч. *-lēan*) и m. 1a (*lēen*); в диалекте Нюкке Данелль также записал форму *lēen*. Также в интервью встретилась форма *lēa* m. 3a. Кроме того, в интервью с ЛУ названы формы среднего рода *lēe* и *lēana*. Колебание между мужским и средним родом у этого существительного является древним: ср. др.-шв. *lifer* m. и *lidh* n. ‘член тела’⁹. В современном стандартном шведском произошла лексическая дифференциация форм общего и среднего рода: *led*, *-en*, *-er* ‘сустав’ и *led*, *-et*, = ‘составная часть’ [SAOL, 1986: 315]. Похожая дифференция имеется и в фарерском языке: *lidur* m. ‘сустав’ и *lið* n. ‘поколение’ [Young, Clewer, 1985: 350].

|| *lé*, *-ar* m. DGNORW (Freudenthal, Vendell 125); *le*, *-en*, *-ar*, *-a* m. (Danell 243).

15. *lī* ‘коса’ (инструмент):

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>līar</i> [ˈliːˀar]	<i>līan</i>	<i>līarär//līar</i>	<i>līana//līare</i>
ЛУ	<i>lī//līa</i>	<i>līan</i>	<i>līarär</i>	<i>līana</i>
МП	<i>lī</i>	<i>līan</i>	<i>līar</i>	<i>līana</i>

Это существительное образует опр. ед. ч. по типу m. 3b (*līan*); в неопр. ед. ч. колеблется между типами m. 3b (*lī*), m. 3a (*līa*) и m. 2b (*līar*). Аналогичное колебание зафиксировано в диалекте Нюкке.

|| *lī*, мн. ч. *līar* DGNOLillRW, *ligiar/ligiër* StorR m. (Freudenthal, Vendell 128); *lī*, *-an*, *-ar*, *-a* m., *līar*, *-an/-an*, *-er*, *-e* m. (Danell 246).

16. *lind* ‘пояс’.

|| *lind*, *-ar* m. NOW (Freudenthal, Vendell 127); *lind*, *-an*, *-ar*, *-a* m. (Danell 249).

⁹ Fornsvensk lexikalisk databas: <http://spraakbanken.gu.se/fsvldb/> (04.02.2016).

17. *mält* ‘селезенка’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>mält</i>	<i>mältan</i>	<i>mältar</i>	<i>mälta// mältana</i>
ЛЮ	<i>mält</i>	<i>mältan</i>	<i>mältar</i>	<i>mältana</i>

|| *mält*, мн. ч. не употребляется, м. DGNOW, f. R. На Даге Венделем записана нетривиальная с фонетической точки зрения форма *mänt* m. (Freudenthal, Vendell 150); *mælt*, -an, -ar, -a m., *mæltar*, -an/-an, -ar, -a m. (Danell 273).

18. *märg* ‘мозг’.

|| *märg* DGNORW / *miärg* R, только ед. ч., м. (Freudenthal, Vendell 151, 146); *mærg*, -en, только ед. ч., м. (Danell 283).

19. *nakk* ‘затылок’.

|| *nakk*, -ar m. DGNORW (Freudenthal, Vendell 152); *nak*, -an, -ar, -a m. (Danell 286).

20. *skogg* ‘тень’.

|| *skogg* DGO / *skugg* NRW, -ar m. (Freudenthal, Vendell 193, 197); *skugl* / *skog*, -an, -ar, -a m. (Danell 362).

21. -*spinn* в *gan-spinn* ‘увула’.

|| Ср. у Венделя *spina*, -r m. ‘сосок’ DGNORW. В значении ‘увула’ Вендель записал в Старошведском *tuggbast* n. (Freudenthal, Vendell 207, 242); *togg-spina*, -n, -r, -Ø m. (Danell 445).

22. -*stjölþ* в *dän-stjölþ* ‘дверная коробка’.

|| *stiölþ* G / *stiölþ* DGW / *stialþ* D / *stulp* N / *stölþ* OR, -ar m.; *stolþ*, -ér m. RW (Freudenthal, Vendell 213, 214, 215, 218, 220); *stælp/stolþ*, -an, -ar, -a m. (Danell 397).

23. *strūþ*, также *hās-strūþ* ‘горло; кадык’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ	<i>hāštrūþ</i> [ˈha:ʃtrʉ:p]	<i>hāštrūþan</i> m. 3b // <i>hāštrūþen</i> m. 1a	<i>hāštrūþar</i>	<i>hāštrūþana</i>

|| *strūþ*, -ar m. DGNORW (Freudenthal, Vendell 217); *strūþ*, -an, -ar, -a m. (Danell 400).

24. *viŋŋ* ‘крыло’; *kvēn-viŋ* ‘крыло мельницы’:

	Ед. ч.	Опр. ед. ч.	Мн. ч.	Опр. мн. ч.
АЛ ЛЮ	<i>viŋŋ</i>	<i>viŋŋan</i> m. 3b // <i>viŋŋen</i> m. 1a	<i>viŋŋar</i>	<i>viŋŋa</i> // <i>viŋŋana</i>
АЛ	<i>kvēn-viŋ</i> [ˈkve:ˈn, viŋ]	<i>kvēn-viŋen</i> m. 1a	<i>kvēn-viŋar</i>	<i>kvēn-viŋa</i>

|| *vigg* DGNRW / *wigg* O, *-ar* m. (Freudenthal, Vendell 256, 262); *vigg*, *-en*, *-ar*, *-a* m. (Danell 469).

25. *vríst* ‘лодыжка’.

|| *vríst*, *-ar* m. DGN, f. W; ср. *vríðstán*, *-ér* m. RW, *vrístán*, мн. ч. *vrístár* m. NO (Freudenthal, Vendell 258); *vríst*, *-an//*-*en*, *-ar*, *-a* m. (Danell 472).

Согласно А. Карлгрену, окончанием определенного мн. ч. у существительных этого подтипа является *-a* [Karlgrén, 1953: 19]. В современном диалекте, насколько можно судить по интервью, оно вытесняется окончанием *-ana*. Так, в интервью с АЛ имеет место следующее распределение: из 16 существительных этого подтипа, у которых была названа форма определенного мн. ч., 7 встретились с *-ana* в этой форме (*and*, *gäigöl*, *hū*, *klügg*, *lī*, *märg*, *vríst*), 9 – как с *-a*, так и с *-ana* (*bakk*, *brant*, *ēnd*, *hjöl*, *kätt*, *mält*, *nakk*, *strūp*, *viŋŋa*). В интервью с ЛУ с окончанием *-a* в опр. мн. ч. встретились 2 (*ēnd*, *lē*), с *-ana* – 8 (*and*, *brant*, *fīl*, *hū*, *lī*, *mält*, *spinn*, *strūp*), с *-a* и *-ana* – 5 (*bakk*, *hjöl*, *nakk*, *vríst*, *viŋŋ*).

Синхронное колебание между типами м. 3 и м. 1 (т. е. между окончаниями *-en* и *-an* в форме определенного ед. ч.) нехарактерно для имеющих интервью; примерами являются *lē* ‘сустав’, *strūp* ‘кадык’, *viŋŋ* ‘крыло’. Это говорит о том, что тип м. 3b, несмотря на относительную немногочисленность относящихся к нему существительных, сохраняет в Старошведском устойчивость (в отличие, например, от типа м. 2a: практически все существительные м. 2a имеют параллельные формы по типу м. 1). В других шведских диалектах Эстонии, а также между диалектами, это колебание распространено довольно широко. Так, в диалекте острова Рюне существительные *bus* ‘хрящ’, *busk* ‘куст’, *holm* ‘остров’, *mærg* ‘мозг’, *pig* ‘шип’, *pulk* ‘колышек’, *vīg* ‘крыло’ записаны Венделлем с *-an* в форме определенного ед. ч. [Vendell, 1882–1887], тогда как в диалекте Нюкке соответствующие существительные имеют *-en*¹⁰. Это колебание восходит к древнему колебанию между *a*- и *an*-основами мужского рода и имеет соответствия в стандартном шведском и в других германских языках: ср. шв. *buske* ‘куст’//*busk* ‘кусты’ (в собирательном значении), *holme*//(уст.) *holm* ‘небольшой остров’, *knagg*//*knagge* ‘сучок’, *knapp*//(уст.) *knappe* ‘пуговица’ и т. п.¹¹

Вследствие внешнего сходства форм определенного ед. ч. и неопределенного мн. ч. возможно колебание между типами м. 3b и м. 2b. Примерами являются *hū* ‘корыто’, *lī* ‘коса’. Аналогичное колебание имеет место

¹⁰ Примеры этого колебания см. также в [Tiberg, 1972: 113].

¹¹ Формы приведены по [SAOL, 1986].

в диалекте Нюкке: см. *ho, kätte, lie, mjälte* в словаре Данелля [Danell, 1951: 161, 235, 246, 273].

Колебание между подтипами т. 3а и т. 3б мало распространено в имеющих интервью. Существительное ‘локоть’ колеблется в интервью с АЛ и ЛУ: *arm(s)-bōa* наряду с *arm(s)-bō*, тогда как в интервью с МП встретилось только *arms-bōa* т. 3а. В этом случае переход из т. 3а в 3б вызван удлинением корневого гласного *o* в положении перед *a*, которое произошло в диалекте в XX в. Другой пример – *gan-spinn* т. 3б ‘увула’, которому у Венделля соответствует *spina* т. 3а.

Колебание между типом т. 3б и соответствующим типом женского рода, f. 2b, также ограничено единичными примерами: *fīl* ‘напильник’ и *kikk* ‘женская грудь’¹².

В заключение необходимо отметить, что материал современного диалекта подтверждает гипотезу о семантической мотивированности тех типов склонения, которые восходят к древнегерманским *n*-основам мужского и женского рода¹³. Эта гипотеза заключается в том, что между типом словоизменения существительного и его лексическим значением в определенном случае имеется взаимосвязь: а именно, в том случае, когда словоизменительные аффиксы, характерные для того или иного типа склонения, имеют словообразовательное происхождение, т. е. восходят к суффиксу. В синхронии семантическая мотивированность словоизменительного типа заключается в том, что существительные с определенным лексическим значением тяготеют к определенному типу словоизменения. Процесс возникновения семантически мотивированных типов словоизменения включает в себя следующие этапы: 1) существование в предшествующий период истории языка достаточно многочисленной группы слов (например, имена лица/деятеля), образованных с помощью продуктивного суффикса; 2) исчезновение этого суффикса как морфологического элемента в составе слова, вызванное фонетическими процессами (например, законами конца слова), в результате чего данные слова с синхронной точки зрения становятся непроевными; 3) формирование парадигмы, аффиксы которой восходят к словообразовательной модели. При этом значение словообразовательной модели передается «по наследству» словоизменительному типу. Определяющей чертой семантически мотивированного словоизменительного типа

¹² Тип f. 2b образуют долгосложные существительные ж. р., восходящие к *ōn*-основам. Их парадигма в современном диалекте: *hēn* ‘курица’, опр. ед. ч. *hēn-a*, мн. ч. *hēn-ar*; опр. мн. ч. *hēn-ana*.

¹³ См. [Маньков, 2013а] и указанную там литературу.

является преобладание (или, по крайней мере, частотность) в нем слов, объединяемых этим общим значением. В случае, если этого преобладания нет и между типом склонения и лексическим значением относящихся к этому типу слов не наблюдается взаимосвязи, то невозможно говорить о семантической мотивированности. Кроме этого, важно, чтобы суффикс не выделялся с синхронной точки зрения, т. к. в противном случае перед нами будет стандартная словообразовательная модель, а не семантически мотивированный тип словоизменения.

Суффикс **-n-* в древнегерманских языках образовывал существительные со следующими значениями: люди (имена деятеля и лица), животные, части тела людей и животных и похожие на них предметы, орудия, средства передвижения, предметы одежды, строения и вместилища (в том числе утварь), растения, жидкости [Kluge, 1926: §§ 15, 34–36, 78 b, c, 79, 81–83; Wessén, 1992: 42–47].

Из 56 существительных типа *m. 3*, известных на данный момент из интервью, 40 относятся к перечисленным группам, а именно:

Животные – *hona* ‘петух’, *håra* ‘заяц’, *loka* ‘сом’, *runa* ‘боров’, *stora* ‘скворец’;

Части тела – *blīka* ‘веко’, *gan-spinn* ‘увула’, *gäigöl* ‘жабра’, *hjöl* ‘пятка’, *hū* ‘копыто лошади’, *kikk* ‘женская грудь’, *lē* ‘сустав’, *mōa* ‘желудок’, *mält* ‘селезенка’, *mārg* ‘мозг’, *nakk* ‘загылок’, *nara* ‘пуп’, *nāva* ‘кулак’, *snipa* ‘мочка уха’, *strīp* ‘горло; кадык’, *viñj* ‘крыло’, *vrist* ‘лодыжка’;

Орудия, средства передвижения, предметы утвари, вместилища – *brika* ‘ручка ведра’, *bura* ‘сверло’, *fīl* ‘напильник’, *gripa* ‘рукоять’, *hoka* ‘крюк’, *hū* ‘корыто’, *lī* ‘коса (инструмент)’, *pusa* ‘мешок’, *skuta* ‘садовые ножницы’, *slāa* ‘санки’, *stoka* ‘палка’, *stāa* ‘лестница’;

Одежда – *krōa* ‘воротник’, *lind* ‘пояс’;

Растения – *musa* ‘мох’, *skota* ‘вершина дерева’;

Жидкости – *gall* ‘желчь’, *loka* ‘рассол’.

Итак, мы видим значительное преобладание в типе *m. 3* существительных, относящихся к определенным семантическим группам, что позволяет говорить о семантической мотивированности данного типа словоизменения.

Список литературы

Маньков А. Е. Диалект села Старошведское // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (= Вестник ПСТГУ). Серия III: Филология. № 1 (19). М., 2010а. С. 7–26.

- Маньков А. Е. Грамматические категории существительного в диалекте села Старошведское // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 2 (20). М., 2010b. С. 92–111.
- Маньков А. Е. Словоизменение существительных в диалекте села Старошведское // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 2 (24). М., 2011a. С. 32–43.
- Маньков А. Е. Диалект села Старошведское: материалы к описанию прилагательных и местоимений // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 3 (25). М., 2011b. С. 37–54.
- Маньков А. Е. Словоизменение глаголов в диалекте села Старошведское // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 2 (28). М., 2012. С. 7–25.
- Маньков А. Е. Суффиксальное словообразование существительных в диалекте села Старошведское // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 1 (31). М.: 2013a. С. 21–31.
- Маньков А. Е. Проблема структурных изменений в исчезающем языке // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 2 (32). М., 2013b. С. 30–44.
- Маньков А. Е. Структурные изменения в исчезающем языке и вопрос о разрушении языка // XXIII ежегодная конференция ПСТГУ. Материалы. М.: Издательство ПСТГУ, 2013c. С. 274–275.
- Маньков А. Е. Диалект села Старошведское: обзор морфологии // Мир шведской культуры: Сборник статей. Москва: РГГУ, 2013d. С. 55–105.
- Маньков А. Е. Скандинавский остров в славянской языковой среде. Диалект села Старошведское: имя существительное // Slovene. International Journal of Slavic Studies. Vol. 2. № 1. М.: Институт славяноведения РАН, 2013e. С. 60–110.
- Маньков А. Е. Диалект села Старошведское: опыт составления словаря исчезающего языка (*a – brist-bäin*) // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 3 (38). М., 2014a. С. 91–130.
- Маньков А. Е. Диалект села Старошведское: опыт составления словаря исчезающего языка (*brist-nöl – dije-vävär*) // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 4 (39). М., 2014b. С. 126–148.
- Маньков А. Е. Диалект села Старошведское: опыт составления словаря исчезающего языка (*disk - dräas*) // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 1 (41). М., 2015a. С. 122–131.
- Маньков А. Е. Диалект села Старошведское: опыт составления словаря неизученного языка (*dräj – finn*) // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 2 (42). М., 2015b. С. 114–126.
- Маньков А. Е. Диалект села Старошведское: опыт составления словаря исчезающего языка (*finstär – fräi*) // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 3 (43). М., 2015c. С. 108–120.
- Маньков А. Е. Диалект села Старошведское: опыт составления словаря исчезающего языка (*fräid-gräv*) // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 4 (44). М., 2015d. С. 105–133.
- Маньков А. Е. Перфект и плюсквамперфект в диалекте села Старошведское // XXV ежегодная конференция ПСТГУ. Материалы. М., 2015e. С. 258–260.

- Маньков А. Е.* Диалект села Старошведское: опыт описания морфологии неизученного языка. Имя существительное (тип 2а) // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 1 (46). М., 2016а. С. 67–78.
- Маньков А. Е.* Диалект села Старошведское: опыт составления словаря исчезающего языка (*grävniij – gī*) // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 1 (46). М., 2016б. С. 125–139.
- Danell G.* Ordbok över Nucköområdet (= Estlandssvenskarnas folkliga kultur II. Skrifter utgivna av Kungl. Gustav Adolfs Akademien 27). Uppsala, København, 1951.
- Fornsvensk lexikalisk databas: <http://spraakbanken.gu.se/fsvldb/> (04.02.2016).
- Freudenthal A. O., Vendell H. A.* Ordbok öfver estländsk-svenska dialekterna. Helsingfors, 1886.
- Isberg F.* Supplement till G. Danells Ordbok över Nucköområdet (= Acta Academiae regiae Gustavi Adolphi, XLVII). Uppsala, 1970.
- Karlgren A.* Gammalsvenskby: Uttal och böjning i Gammalsvenskbymålet. Med kommentarer utgivet av Nils Tiberg. (Svenska landsmål och svenskt folkliv. B. 56). Stockholm, 1953.
- Kluge, Fr.* Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte. 3. Aufl., bearb. von L. Sütterlin und E. Ochs. Halle: Niemeyer, 1926.
- Lagman H.* Svensk-estnisk språkkontakt. Studier över estniskans inflytande på de estlandssvenska dialekterna (= Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Studies in Scandinavian Philology. New series, 9). Stockholm, 1971.
- Lagman H.* Tyska lånord i estlandssvenska mål // Svenska landsmål och svenskt folkliv, 1973. S. 11–57.
- Mankov A.* A Scandinavian island in a Slavonic linguistic environment. The dialect of Gammalsvenskby: nouns (paper 2) // International Journal of Slavic Studies. Vol. 2. № 1. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 60–110.
- SAOL = Svenska Akademiens ordlista över svenska språket. 11 uppl. Stockholm: Norstedts förlag, 1986.
- Tiberg N.* Estlandssvenska husdjurnamn jämte en dialektuppsats: Husdjuren på Runö av F. Lönnlund och T. Dreijer med teckningar av A. Hollman (= Acta Academiae regiae Gustavi Adolphi, LI. Estlandssvenskarnas folkliga kultur, 7). Uppsala: AB Lundequistska bokhandeln, 1972.
- Vendell H.* Runömålet. Ljud- ock formlära samt ordbok (= Nyare bidrag till kännedom om de svenska landsmålen ock svenskt folkliv, II.3.). Stockholm, 1882–1887.
- Wessén, E.* Svensk språkhistoria. II. Ordbildningslära. 5 uppl. Stockholm: Akademitryck, 1992.
- Young, G. V. C., Clewer, C. R.* Føroysk-ensk orðabók. Peel, Isle of Man: Mansk-Svenska Publishing Co., 1985.

Сведения об авторе: *Маньков А. Е.*, доцент кафедры германской филологии филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. E-mail: mankov-pstgu@hotmail.com